
ИЗ НАСЛЕДИЯ

АНТОНИЙ, МИТРОПОЛИТ СУРОЖСКИЙ

О НАСИЛИИ

В 1991 году «Новый мир» с предисловием С. С. Аверинцева опубликовал автобиографический текст митрополита Антония Сурожского «Без записок»¹, тем самым открыв его имя для широкого читателя. С тех пор по России его книги разошлись более чем миллионом экземпляров. В советское время слово Владыки, возглавлявшего Русскую Православную Церковь в Великобритании, прорывалось сквозь глушилки в передачах Би-Би-Си, множество его текстов ходило в самиздате. Его приезды в Москву собирали толпу в храмах, где он проповедовал, и все более многочисленные подпольные группы — в домах друзей, не боявшихся предоставлять ему свои квартиры. Для советского слушателя его слово о вере, достоинстве, человечности, свободе и радости было глотком свежего воздуха. Но не меньший отклик оно находило и в самых разнообразных кругах Англии — страны его служения.

На одной из конференций, посвященных наследию митрополита Антония, участникам вспомнилась шутка, бытовавшая в церковных кругах Европы в 1970 — 1980-х годах: митрополит Антоний — самый популярный человек в Великобритании — после Битлз.

Чем епископ немногочисленной общины, представитель нетрадиционной для Британских островов Церкви мог привлечь внимание в стране, которая к иностранцам в принципе относится сдержанно? Чем непривычно клерикального вида чужестранец (Владыка никогда не выступал без подрясника и панагии), горячо любивший Россию и отличающийся бескомпромиссной верностью Православию («чрезвычайно консервативен», как характеризуют его в рапорте Архиепископу Кентерберийскому о планах совместного обсуждения вопросов доктрины)² подкупал недоверчивого слушателя? Что было в нем и его слове такого, что он получал приглашения выступить по радио и на телевидении, в богословских, медицинских, естественнонаучных колледжах, университетах, средних школах, больницах, хосписах, экономических институтах, военных училищах, школах искусств?

Нам кажется, предлагаемый текст лучше ответит на эти вопросы, чем наши рассуждения и выводы. Назовем только несколько фактов из биографии Владыки, — биографии человека, прожившего почти целый век (годы жизни: 1914 — 2003): родился до русской революции, попал с родителями на Запад, окончил биологический и медицинский факультеты Сорбонны. В годы Второй мировой служил во французской армии хирургом, перед уходом на фронт принял тайное монашество, участвовал в Сопротивлении. Наверное, с этого времени он сохранил уважение к армии: по словам протоиерея Иоанна Ли, его ближайшего помощника, особенно любил митрополит Антоний выступать перед военными. Как-то раз, оглядев аудиторию перед началом выступления, заметил: «Похоже, из присутствующих только я был на войне». После войны полтора года занимался реабилитацией бывших узников концлагерей. В возрасте 35 лет рукоположен в свя-

Разрешение на публикацию предоставлено Фондом митрополита Антония Сурожского © Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation.

¹ Антоний, митрополит Сурожский. Без записок. Примечания и подготовка текста Е. Майданович. Предисловие С. Аверинцева. — «Новый мир», 1991, № 1.

² Рапорт Архиепископу Кентерберийскому от 27 июня 1966 о переговорах по поводу взаимоотношений с Православной Церковью. Папка нумерованных документов, относящихся к отношениям с Православной Церковью OS file 235/1-4. Архив библиотеки Ламбетского Дворца (Lambeth Palace Library).

щенника, направлен в Англию, где служил 54 года. Из крохотной общины, которая в то время представляла РПЦ, создал епархию с 27 приходами и евхаристическими общинами по всей стране и — проповедовал.

Митрополит Антоний почти ничего не писал (если не считать писательским трудом десятки тысяч писем), с царственной щедростью сея устное слово, не стремясь остановить момент, запечатлеть, сохранить, а только служа тому человеку, который перед ним в данный момент, которому н у ж н о получить ответ на вопрос, на боль, на недоумение, на восторг. «Я мало написал книг», — сокрушался Владыка в последние годы жизни. Многочисленные книги, публикуемые в России и по всему миру на множестве языков, самоотверженным трудом составляют из расшифровок сохранившихся аудиозаписей бесед и проповедей люди, стремящиеся поделиться отблеском вечности, который подарил им Владыка.

Беседа «О насилии» проведена Владыкой для слушателей «Королевского военно-научного колледжа» («Royal Military College of Science», позднее переименован в «Defence College of Management and Technology») в Суиндоне 16 апреля 1986. Текст воспроизведен по аудиозаписи, которую, вероятно, сделал сам Владыка с помощью своего кассетного диктофона. Качество записи самой беседы высокое, но вопросы из зала практически не сохранились, поэтому их пришлось восстанавливать по ключевым словам. В своих выступлениях митрополит Антоний часто ссылается на высказывания других авторов. Внимательный читатель заметит, Владыка приводит цитаты не дословно, а в собственном переводе, пересказе или интерпретации, заботясь преимущественно о том, чтобы точно передать мысль автора, а не его слова. Переводчики старались следовать этому же принципу и передали цитаты не в соответствии с существующими переводами источников, а так, как они звучали в беседе.

Елена Майданович, Елена Садовникова

О насилии мне известно из собственного физического опыта, потому что родился я незадолго до первой мировой войны, и мои самые ранние впечатления, пока я был совсем маленьким, складывались из носившихся вокруг слухов о войне. Потом была русская революция, потом годы эмиграции, когда жизнь в самом деле была очень трудной в некоторых ее проявлениях. Я помню себя восьмилетним мальчиком в дешевой школе-интернате, где сверстники могли избить так, что попадешь в больницу. И после мне довелось кое-что узнать о насилии, живя в Париже во время войны и наблюдая происходившее вокруг. Таково мое прошлое, и я о нем упомянул только для того, чтобы показать: я буду говорить, основываясь не на каком-то особенно большом опыте страдания (хотя ребенком чувствовал себя очень несчастным из-за грубости, которая царилась вокруг), а на том, что пришлось немало его повидать.

Если поставить перед собой вопрос, что такое насилие, мне думается, важно помнить, что это слово одного корня со словом «сила» или «брать силой». Насилие — это действие или ситуация, в которой намеренно (а порой и непреднамеренно) применяется сила в попытке посягнуть на независимость человека, группы людей или страны, в попытке разрушить цельность человека, принудить его стать не тем, кто он есть, или заставить поступать вопреки велениям совести, вопреки убеждениям, вопреки своей природе. Это — отрицательная сторона насилия, но при всем том в Евангелии есть место, в котором говорится, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»³. Я бы сказал, что оно плохо переведено на современные языки. Нам нужно внимательнее вчитаться в исходный текст и осмотрительнее относиться к словам и выражениям, которые можно перевести по-разному. В данном случае текст ясно говорит: если мы хотим войти в Царство Небесное, нам придется принудить себя, совершить насилие над собой, придется всеми силами сразиться ради того, чтобы сломить все преграды: мы должны заставить себя открыться действию Божию, позволить Ему одержать в нас победу. Это совсем не то, что обычно понимается под фразой «Царство Небесное силою

³ Мф. 11:12.

берется», которая приводит в недоумение тех, кто пользуется только одним переводом Евангелия и строит свое богословие на тексте одного переводчика или группы переводчиков.

Мне захотелось сказать об этой стороне насилия, потому что нам чрезвычайно важно сознавать: жизнь — не плавный переход от одного состояния к более высокому, от одной ситуации к другой. Мы живем не просто в тварном мире, но в мире падшем, трагедия которого — обезбоженность. Мы живем в мире, который, утратив Бога, как бы потерял ключ к тайне гармонии, и гармонию в нем так же сложно уловить, как сложно воспроизвести по нотам мелодию, если в начале нотных строк отсутствует музыкальный ключ. Мы живем в мире, который изуродован на всех уровнях, и это естественным образом порождает в нас конфликт, — конфликт между естественной, богоданной тоской по полноте, по избытку жизни, и всем тем, от чего жизнь мельчает, всем тем, что препятствует нашему исполнению. Мы все время несем в себе конфликт. Апостол Павел ясно это сознает, когда говорит, что в нем борются два закона: закон жизни и закон омертвелости; что добро, которое хочет, он не делает, а делает зло, которое внутренне отрицает⁴. Мы все в плену, наша задача — разорвать цепи, сбросить оковы, вырваться на свободу, но для этого одних благих намерений недостаточно: не обойтись без борьбы, не обойтись без конфликта. Свободу можно обрести, лишь совершив над собой насилие, то есть обратив все силы, всю свою позитивную энергию против того ложного, дурного, ущербного, что в нас есть, против всего, что мешает вырасти в полную, которая составляет наше человеческое призвание.

Поэтому, говоря о насилии, неверно было бы безоговорочно отождествлять его со злом, причиняемым другим людям, или с проявлениями грубости, жестокости и подобными вещами в окружающем мире. Война, которую нам приходится вести, — внутри нас, и главнокомандующие в ней — Господь Иисус Христос и Дух Святой, дарованный нам. Им предстоит одержать в нас победу, а мы оказываемся либо союзниками, либо противниками Божиими в этой борьбе Бога за овладение всем нашим существом, что одновременно есть наше исполнение. Нам необходимо осознать, что в нас действует закон войны, и поэтому нам нужно учиться, как выбирать себе союзников и распознавать врагов и как сражаться с тем, что в нас неладного.

Об этой войне духовные наставники сказали бы: чтобы одержать победу в нашем внутреннем «я» и во всей нашей жизни, Богу нужна наша помощь. Когда я говорю «помощь», я имею в виду слова апостола Павла о том, что мы все — соработники Божии. Мы — не пассивные предметы в руках Божиих, которыми Он распоряжается, над которыми вершит Свою волю. Бог предлагает нам Свою силу, но мы должны решиться воспользоваться ею. Он предлагает нам всего Себя, но нам решать, принять этот дар или отказаться, отвергнуть его. И в этом смысле, мы столь же активны, как Бог активен, потому что наше «нет» имеет такое же решающее значение, как Его «да». Это чрезвычайно важно сознавать.

Один из древних писателей, кажется V или VI века, сказал, что миром правят три силы. Одна — воля Всемогущего Бога, Который положил предел Своему могуществу, предоставив свободу Своим творениям принимать или отвергать Его. Святой Максим Исповедник говорит, что Бог может все сделать, кроме одного: Он не может заставить любить, потому что любовь — высшая и совершенная свобода. Вторая — воля противника, сатаны, сила разрушения, сила уничтожения. Сатана соблазняет обещаниями, Бог бросает нам вызов, призывая к величию. И между этими двумя волями, которые влекут в противоположные стороны, — воля человека, ему принадлежит страшное право сказать «да» или «нет» силе окончательного разрушения и силе совершенного и предельного исполнения. Внутри нас идет борьба, и вовне она налагает печать на наши дела, на встречи, на отношения, потому что наша внутренняя гармония, а вернее сказать, наша внутренняя дисгармония, неминуемо распространяется на все вокруг. Мы все стремимся к полноте, но если, вместо того, чтобы обратиться к Единственному,

⁴ Ср. Рим. 7:19.

Кто может нас наполнить, — Богу — мы пытаемся обрести ее в чем-то другом, это стремление превращается в жадность и желание обладать. А жадность и желание обладать означают поглощение всего вокруг: нашего ближнего и того, что ему принадлежит. Вы, вероятно, помните отрывок из «Писем Баламута», где старый бес пишет своему племяннику: «Не пойму, что Враг (Врагом он называет Бога) имеет в виду, когда говорит, будто любит Свои создания. Он это заявляет и оставляет их свободными! Когда я говорю, что люблю тебя, это означает: я хочу захватить тебя, завладеть тобой, проглотить, переварить тебя, чтобы вне меня от тебя ничего не осталось»⁵. Вот как мы обращаемся с жизнью вокруг; быть может, не столь грубо, как старый бес, но с той же жестокостью, хотя и с меньшим пониманием того, что делаем. Если мы ищем источник полноты не в Боге, то им становится наш ближний или все, что может дать земля, и тогда наш поиск оборачивается жадностью, агрессией, собственничеством и, в конечном итоге, разрушением ближнего или окружающего нас мира.

Я не хочу сейчас обсуждать охрану среды или экологию, потому что и из отношений между людьми совершенно очевидно, как мы порой разрушаем друг друга так называемой «любовью». Как часто те, кого, как нам представляется, мы любим, сказали бы: «Люби меня меньше, но дай мне дышать! Я в плену, твоя любовь разрушительна!» А ведь существует другая любовь, любовь, которая не разрушает, любовь-свобода, свобода того, кто любит, и того, кто любим, а не жертва любви.

Поэтому нам необходимо сознавать: в нас идет борьба, война, мы несем в себе конфликт, который можно преодолеть только так, как это произошло в Воплощении, когда Бог и человек соединились в личности Иисуса Христа, когда две воли сошлись, две природы сошлись и, благодаря взаимной любви, взаимному доверию, взаимной самоотдаче, гармония установилась в совершенной Личности, Которая являет нам Бога, с одной стороны, и величие человека — с другой. Нет иного способа преодолеть внутренний конфликт кроме как уподобившись Христу, приобщившись к божественной жизни, к божественной природе путем трудной, беспощадной борьбы с тем, что в нас неладного и ущербного.

Вот что мне хотелось сказать об этой стороне вещей. Я с этого начал, потому что намеревался как бы освободить слова «насилие» и «конфликт» от исключительно негативных ассоциаций, которые очевидны, просты. Если мы осознаем, что конфликт может стать созидательным, когда он коренится в любви, в самоотдаче, в любви крестной, жертвенной, то положение изменится. Если в таком духе подходить к конфликтам, то можно попытаться действовать творчески, и тогда конфликт, ненависть, агрессия потеряют свою разрушительную силу. Я приведу несколько примеров из своего опыта, — не то, кем я был или что делал, а примеры людей, которых знал и с которыми встречался.

Не так давно умер один священник, монах примерно моего возраста. Я познакомился с ним лет десять назад, вскоре после его возвращения из концентрационного лагеря, в котором он провел 36 лет. 36 лет для многих из вас — вся жизнь, это очень большой срок. Он сидел на кушетке и, глядя ликующими, сияющими благодарностью глазами, говорил: «Представляете, как Бог был милостив ко мне? Советские власти не допускали священников ни в тюрьмы, ни в лагеря. И Он выбрал меня, неопытного молодого священника, и заключил сперва на несколько лет в тюрьму, затем на оставшийся срок в лагерь, и так в течение 36 лет, чтобы я мог служить людям, которые действительно нуждались в Нем и в Его слове». Вот что такое внутренняя устойчивость и преодоленный конфликт: этот священник примирился с Богом, обнаружил, что воля Божия мудра, что дела Божии — милосердие, сострадание и любовь, что раз он — христианин, его место там, где пребывал бы Господь Иисус Христос, и он принял это с благодарностью.

Второй пример: мой друг, лет на двадцать старше меня. Во время войны он участвовал во французском Сопротивлении, его арестовали, посадили в

⁵ Ср. Льюис К. С. Письма Баламута. Расторжение брака. М., «Fazenda „Дом Надежды”», 2005, стр. 105.

концентрационный лагерь. Четыре года спустя, после освобождения Парижа и окончания войны во Франции, я встретил его на улице и спросил: «Что вы принесли из лагеря?» Его ответ был: «Тревогу». Я знал его как человека большой силы духа и того, что можно назвать чрезвычайной твердостью характера. Он был жестким, трудным человеком. Я спросил: «Вы потеряли веру в лагере?» Он ответил: «Нет, веру я не потерял. Но видишь ли, пока я был в лагере и подвергался насилию, жестокости, изо дня в день находился под угрозой смерти и пыток, я мог обратиться к Богу и сказать: Господи, прости им, они не знают, что творят! — и я знал: Бог слышит мою молитву, потому что она доносится с самого дна, из глубины агонии, страдания, подлинного страдания, (потому что и без пыток и казней концентрационный лагерь — место предельного страдания, морального и физического). А теперь, — продолжал он, — я на свободе, и я не уверен, что люди, которые нас мучили таким ужасным образом, раскаются, осознали, что они творили, и сожалеют об этом. Но когда я прошу Бога их простить, слышит ли Он меня, живущего в покое и безопасности? Мне нечем доказать подлинность, искренность моей молитвы». Вот пример человека, в котором конфликт расцвел жертвенной любовью; человека, который, оказавшись в сердцевине конфликта, стал средоточием спокойствия и непоколебимой уверенности.

Третий пример: женщина, работавшая с этим моим другом, русская монахиня. Ее тоже арестовали за участие в Сопротивлении и укрывательство евреев, и посадили в концентрационный лагерь. Однажды группу узниц этого лагеря вызвали для отправки в газовую камеру, и одна из них, девушка лет 19-ти, стала биться в отчаянии и ужасе. Мать Мария подошла к ней и сказала: «Не бойся, последнее слово не за смертью, а за жизнью. Бояться нечего». И девушка спросила: «Почему я должна вам верить?» И мать Мария ей ответила: «Потому что я пойду с тобой», и вместе с этими женщинами вошла в газовую камеру и умерла с ними. Мне об этом стало известно от другой узницы, которая там присутствовала. Она рассказывала, что больше никогда не видела людей, идущих на смерть так, как идут к победе, и все потому что мать Мария вступила в ситуацию насилия, конфликта, жестокости со своей внутренней устойчивостью.

И если хотите пример из Священного Писания: вспомните рассказ о Христе, как Он идет по водам Генисаретского озера среди бури. Ученики Его видят, волны бьются, Петр тонет, а в самой сердцевине бури, в средоточии бушующей стихии, — Господь Иисус Христос в совершенном покое, с совершенной Своей гармонией. Он в эпицентре бури, потому что Он в той же мере — Владыка бури, в какой Владыка покоя, не в том смысле, что Он хочет бури, а в том, что правит ею; и мы сможем справляться с бурями, если будем с Ним. За пять лет работы хирургом во французской армии и в Сопротивлении, я не раз был свидетелем того, как людям это удавалось. Мне на опыте довелось убедиться, каким человек способен стать, если у него имеется не просто выправка, но внутренняя устойчивость и уверенность, которые обретаются в приобщении к Богу и в жертвенной любви.

У насилия есть еще одна сторона, о которой я хочу сказать нечто, не относящееся к тому, о чем только что говорил. Мы всегда думаем о насилии в категориях войны, вооруженных конфликтов, чрезвычайных событий, и не отдаем себе отчет в том, сколько насилия, сколько агрессии в повседневной жизни. Поэтому прежде, чем рассуждать об ужасах грандиозных конфликтов, таких как война, заказные убийства, терроризм, необходимо осознать, насколько повсюду насилие в обыденной жизни.

Я уже говорил об агрессивности любви, о сладком, удушающем, убийственном насилии во имя любви, когда человека можно сломать, прикрываясь словами: «Я люблю тебя и лучше знаю, что тебе на пользу. Я знаю, как сделать тебя счастливым, ты еще слишком неопытен, молод, чтобы решать самому. Мне виднее, потому что я мудрее. Я научу тебя быть счастливым». Посмотрите на семьи, — свою собственную и своих товарищей, — и вы увидите, как часто такое встречается. Это и есть насилие, то есть посягательство на цельность человека, ситуация, когда взгляды внушаются, когда более опытный, развитый,

красноречивый, искусный человек стремится навязать другому свои представления о мире, свою точку зрения и суждения или принудить его действовать или бездействовать тем или иным образом.

Насилие присутствует в разнообразных способах эмоционального шантажа. Задумывались ли вы когда-нибудь, какой ужас для ребенка услышать: «Будешь плохо себя вести — не буду тебя любить»? Это означает, что любовь не бесплатна. На нее нельзя положиться, она — не прочное основание, на которое можно опереться, она условна, ее можно купить, и купить уродливой ценой хорошего поведения. Причем, что хорошо — решают родители, учитель или начальник, а цена страшна, и в то же время мелка, потому что означает просто покорность и раболепство.

Другой пример эмоционального шантажа — голодная забастовка. Она нацелена ни на что иное, как на эмоции. Шантажом является освещение военных событий при посредстве вызывающих ужас картин: раненых детей и женщин в госпиталях. Существует целый арсенал методов эмоционального шантажа, с помощью которых пресса и телевидение, проповедники и политики или просто люди в семьях играют на нервах и воздействуют на психику. Я не пытаюсь оправдывать войны, убийства или терроризм, но хочу показать, что в том, как их представляют, присутствует элемент эмоционального шантажа, который в некотором смысле хуже шантажа прошлым, потому что с прошлым можно расквитаться. Я знаю одного священника в советской России, который в определенный момент своей жизни повел себя недостойно. Его вызвали в КГБ и сказали: «Ты выступишь против Церкви, сделаешь публичное заявление, что больше не веришь в Бога, что проповедовал ложь, что правда на нашей стороне, а не то мы тебя ославим». В следующее воскресенье он вышел к народу во время службы и сказал: «Меня вызывали в КГБ и поставили перед выбором. Я хочу все сам рассказать: вот как я когда-то поступил. Можете меня или принять, или отвергнуть». И весь приход его единодушно принял. Так что выход есть — в честности и цельности.

Насилие зачастую чинится будто бы во имя ненасилия: христианский или иной фанатизм. Я упомянул христианский фанатизм потому, что это — наш грех, и нам следует заняться бревном в собственном глазу. Взять, к примеру, нашу всегдашнюю готовность кого-то осуждать; кого — найдется, у нас у всех есть излюбленная жертва. Кто-то из нас, быть может, готов примириться с тем или иным направлением христианства или гуманизма, или религии, или атеизма, но на что все вместе мы готовы — это на агрессию и на осуждение.

Если фанатизм основывается не на утверждении, а на отрицании, он тоже превращается в род агрессии. Приведу вам еще пример из нашего православного опыта, чтобы никого из вас не обижать, а говорить только себе в укор. У нас был выдающийся миссионер в Китае. Однажды он прибыл на гору Афон, встретился со старцем по имени Силуан, и пожаловался ему: «Знаете, китайцы совершенно безнадежны. Я столько лет потратил, стараясь их обратить, и мне ни разу не удалось уговорить их принять христианство». И старец Силуан его спросил: «А что ты для этого делаешь?» — «Я прихожу в капище, собираю их вокруг себя и говорю: „Посмотрите: вокруг вас идолы, они глухие и слепые. Я буду проповедовать вам Живого Бога, выбросьте идолы, разбейте их на куски и следуйте за мной”». И Силуан его спросил: «И что с тобой бывает, отче?» — «Меня бьют и выбрасывают вон, вместо того, чтобы слушать!» Силуан ему говорит: «Разумеется, так бы каждый поступил». — «Что же мне делать?», спросил миссионер. «А ты приди и сядь на ступеньках их храма, вызови одного из служителей или кто там окажется, и скажи: «Вы создали цивилизацию, которая так прекрасна, ваши храмы замечательно красивы. Расскажите мне, в чем ваша вера». И слушай, а когда заметишь нечто созвучное христианству, скажи: «Как прекрасно, как верно, то, что вы говорите! Но если к этому нечто добавить, то оно расцветет в совершенство», — и прибавь нечто из своей веры. И так окажется, что ты помог им подняться над собой, не отвергая самое прекрасное, значительное и святое в их опыте, от чего они не могут отречься, не отрекшись от самих себя». И это чрезвычайно важно, потому что бывает и такая агрессия — «ради Христа».

Помнится, как-то группа пятидесятников мне сказала: «Вы — не христианин, потому что не говорите языками». Да, я не говорю языками, и вполне готов признать: христианин я плохой, но вовсе не по той причине, которую они назвали, а это совсем другое дело. Совершенно искренне признаю: мне, вероятно, еще далеко до того, чтобы стать христианином, но не потому, что не приобрел дара языков. Очень многое должно совершиться, прежде чем нечто подобное произойдет с человеком, поэтому нам лучше сосредоточить внимание на простых и повседневных вещах.

Мне вспоминается, как яростно на меня однажды напал молодой человек, который был пацифистом, за то, что я таковым не являюсь. Он разорвал бы меня на куски, он убил бы меня: как я смею! Вот как это было: я проводил говение для оксфордских студентов где-то за городом. После первой беседы ко мне подошел молодой человек и сказал: «Владыка, я покидаю ваше говение, потому что вы — не христианин». Я сказал: «Пожалуйста, уйти — ваше право, но у вас есть передо мной обязательство. Если я не христианин, вы должны меня наставить на путь истинный». Он говорит: «Хорошо. Вы — не пацифист и поэтому не христианин». — «А вы — пацифист?» — «Да». — «И не прибегнете ни к какой форме насилия, никогда, ни в какой ситуации?» — «Нет». Я сказал: «Представьте, что вы входите в эту комнату и видите, как хулиган собирается изнасиловать вашу невесту. Как вы поступите?» — «Я к нему обращусь и постараюсь убедить этого не делать». — «Предположим, он не станет слушать; что вы сделаете?» — «Я опущусь на колени и буду молить Бога вступиться», — он не уточнил, каким образом: пошлет ли Бог ангелов или кого-то еще, кто не пацифист. Тогда я говорю: «Предположим, пока вы речь держите и молитесь, он насилует вашу невесту, встает и довольный уходит. Какие ваши действия?» — «Я попрошу Бога, Который из тьмы сотворил свет, обратить зло в добро». Увы, мой ответ был (и вам уже известно, что я плохой христианин или вовсе не христианин): «В таком случае, если бы я был вашей невестой, я поискал бы себе другого жениха».

Знаете, легко отрицать насилие вообще, но приходит момент, когда мы вынуждены поставить перед собой вопрос: то, что я собираюсь сделать — насилие или отпор? Вправе ли я дать отпор насильнику ценой риска или правильнее позволить насилию безудержно распространяться? Допустимо ли предоставлять все права преступнику и отказывать в них жертве? Недостаточно решить для себя: «В своих действиях я дойду до такого-то предела и на этом остановлюсь», потому что заранее нельзя рассчитать, как далеко придется зайти... Еще одна позорная для меня история, и я закончу свою беседу.

Помнится, как-то около часа ночи я услышал на улице крики. Я вскочил с постели, выглянул в окно и увидел, как какой-то юнец выхватывает у девушки сумочку и кидается прочь, пока она зовет на помощь. Вы уже знаете, что я — поборник военных действий, поэтому я выбежал из комнаты, схватил палку и бросился за вором с твердым намерением вернуть сумочку. Но вор оказался проворнее меня и быстро удирал. Вдруг из-за угла появилась рослая, крепкая дама, моментально сообразила, что происходит, вlepила вору пощечину, отобрала сумочку и направилась к девушке, пока вор с воем уносил ноги. В этой ситуации противоречат ли мое намерение помочь девушке и насилие, учиненное рослой дамой, моральной цельности или нет?

Поэтому я уверен, что в каждом случае нам необходимо разобраться, что стоит за нашими действиями. Недостаточно просто сказать: насилие — зло, агрессия — зло. Это верно, но, столкнувшись с насилием лицом к лицу, сказать, что агрессия — зло, все равно, что решить для себя: «Я — созерцатель, я — сторонний наблюдатель, я вмешиваться не собираюсь».

Нам все время приходится принимать решения, именно это делает жизнь такой трудной, и каждое решение, каждый выбор, в некотором смысле, вовлекает нас в сердцевину конфликта, другого не дано. Если мы сами — объект насилия, все просто: мы можем согласиться на то, что нас уничтожат. В Сибири жило племя, которое восприняло буддизм целостно, и в течение 50 лет они полностью были стерты с лица земли, потому что избрали непротивление насилию, и соседи не только стали их притеснять, но совершенно

уничтожили. Подобный выбор можно сделать для себя, но вправе ли мы принудить кого-то стать жертвой насилия, несправедливости, жестокости, будь то ребенок или взрослый, или группа людей, просто потому, что не готовы взять на себя ответственность за уродство создавшегося положения?

Я закончу свою беседу еще одной русской историей. Святитель Николай пользуется у русских особенной любовью, и одна из причин, почему его любят: он не похож на бесплотный дух, с которым не чувствуешь ничего общего, а некто вполне реальный. Я расскажу, как в России объясняют, что его день празднуют дважды в год, тогда как день преподобного Иоанна Кассиана — раз в четыре года, 29 февраля.

Святитель Николай и преподобный Иоанн Кассиан посетили землю. По причинам, известным только им самим, временем своего посещения они выбрали осень, а местом — Россию, когда вся страна утопает в грязи. Но, будучи святыми, они парили над землей и не запачкали даже подошв. Вдруг они увидели крестьянина с повозкой и лошадьми, глубоко завязшего в грязи. Святитель Николай обратился к Кассиану: «Слушай, давай поможем ему». Преподобный Кассиан оглядел себя и сказал: «А как же наши белые небесные одеяния? Они испачкаются». Николай пожал плечами, нырнул в грязь, подтолкнул; лошадь, повозка, крестьянин выбрались и двинулись восвояси, а святые вернулись в рай. Когда они прибыли, Господь посмотрел на них и спросил: «Николай, ты где был?» — «На земле, с Кассианом». — «Но почему ты такой грязный?» — Николай рассказал: «Знаешь, вот как было дело». — «А ты, Кассиан, как случилось, что ты такой чистый?» — Преподобный Кассиан ответил: «О, я думал только о небесном». — «Вот как! — сказал Господь. — Хорошо, в таком случае, пусть Николая вспоминают дважды в год, а твой день будет приходиться на 29-е февраля».

Ответы на вопросы

Одно из крайних проявлений насилия в глобальном масштабе — терроризм. Как, по Вашему мнению, можно ли справиться с проблемой международного терроризма? Не кажется ли Вам, что меры, предпринимаемые международным сообществом (ООН) заводят в тупик?

Против международного терроризма серьезных мер не предпринималось, и он постепенно, шаг за шагом, приобрел чрезвычайно агрессивный, жестокий и практически всеобщий характер. Мне думается, одна из причин, почему меры не принимались и не принимаются до сих пор: тех, кого одни называют террористами, другие считают борцами за свободу, поэтому то с одной, то с другой стороны постоянно раздаются протесты против любых действий, способных остановить терроризм. Я, может быть, обнаружу свою ограниченность и дикость, но, если бы вместо того, чтобы рассуждать о терроризме политическом или еще каком-то, говорить об *убийствах*, не задаваясь вопросом о мотивах, и карать *убийство* смертной казнью или пожизненным заключением, не взирая на лица, то есть не выясняя, кто ты, что отстаиваешь, каковы твои убеждения: ты убил, вот и все, — терроризм в мире пошел бы на убыль, потому что очень немногие готовы на пожизненное лишение свободы или на смертную казнь ради своих убеждений. Большинство идут на риск потому, что надеются избежать ответственности, как писал французский писатель Рабле: «Я готов стоять за свои убеждения вплоть до повешения — исключительно»⁶, иначе говоря, до того момента, как повешение станет реальной угрозой.

Какой выход из теперешней ситуации?⁷

⁶ Ср. Рабле Ф. «Гаргантюа и Пантагрюэль». М., «Фирма Арт», 1993, стр. 262.

⁷ 5 апреля 1986 года ливийские террористы взорвали бомбу в кафе «La Belle» в Западном Берлине. 15 апреля 1986 года США осуществили массированную бомбардировку столицы Ливии Триполи.

Знаете, 51 статью⁸ спрягают все, кому не лень, и одна из претензий, которую предъявляют Америке, состоит в том, что ответный удар может быть только незамедлительным и пропорциональным по силе. Но если применить этот принцип к терроризму, то он будет означать «око за око, зуб за зуб», и выльется в акты индивидуального террора на территории страны — рассадника терроризма, или в отношении граждан этой страны, что не является решением проблемы. Поэтому, когда речь идет о державах вовлеченных в подготовку террористов и террористических актов, я вполне понимаю позицию Рейгана, который говорит: «Мы не готовы отвечать убийством на убийство, но готовы действовать на уровне межгосударственных отношений». Но это — моя личная реакция на создавшееся положение: я бы полностью поддержал действия Рейгана, и полностью поддержал бы линию Маргарет Тэтчер⁹.

Не кажется ли Вам, что для решения проблемы терроризма необходима выработка совместных решений и скоординированные действия на уровне международных организаций? Если каждая отдельная пострадавшая от терроризма держава будет наносить ответные удары, то это приведет только к дальнейшей дестабилизации обстановки в мире.

Да, я бы предпочел (хотя это абсолютно нереалистично), чтобы ООН, Европейский Совет и все подобные международные организации нашли в себе мужество действовать, вместо того, чтобы рассуждать и колебаться. Но раз они этого не делают, я не вижу другого выхода, как брать инициативу в свои руки. Взять, к примеру, войну между Израилем и Ливаном¹⁰: между ними разместили миротворческий контингент. Предполагалось, что сражаться он не будет ни на чьей стороне, а просто расположится между враждующими странами и не позволит нарушать границу. И что произошло? Израиль и Ливан стали перестреливаться через его голову из своих орудий! Это — насмешка, а не наведение порядка в мире. Если международные организации, назначение которых — активно защищать мир, бездействуют, что можно предпринять? Отвечать ударом на удар — плохой выход, но в противном случае придется признать за преступниками право на произвол, а остальным согласиться на роль жертв или пассивных наблюдателей.

Нельзя забывать, что террористические атаки, как и все негативные явления имеют свою подоплеку и призваны привлечь внимание к тем причинам, которые лежат в их основе. Не кажется ли Вам, что шаги, предпринимаемые Америкой, только нагнетают обстановку в мире?

Да, я согласен, что все неладное имеет свои причины. В определенном смысле стоило бы призвать к ответу Адама и Еву и сказать им: «Это ваша вина». Но если не заходить так далеко, тот факт, что у всякой вещи есть своя предыстория, не делает их законными. То же самое относится к уголовному праву: тот факт, что кто-то затаил личную обиду, или принадлежит к определенной группе людей, или имеет плохую наследственность, не дает нам права, взвесив

⁸ Статья 51 Устава ООН (1945): «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

⁹ Владыка, вероятно, имеет ввиду политическую линию Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер в ливано-израильском конфликте 1986 года.

¹⁰ Масштабный ливано-израильский конфликт, начавшийся в 1982 году, привел к образованию «зоны безопасности» на границе двух стран, но спорадические вооруженные столкновения между Израилем и Ливаном не прекращались в течение многих лет.

обстоятельства, сказать: «Ладно, раз так, ты свободен. Нам понятно, почему ты убил своего ребенка или лишил жизни такого-то человека, совершил поджог, изнасиловал девушку и т. д.» Тот факт, что причина известна, я уверен, не позволяет просто проигнорировать преступление или поступок. Решат ли шаги, предпринятые Америкой, проблему или нет, будет ли нарастать напряженность или нет, я не знаю, но уверен, что нельзя просто сказать: «Мы ничего предпринимать не будем, потому что неизвестно, к чему приведут наши действия».

Военные действия, предпринимаемые против стран, ответственных за подготовку террористов и террористических атак, приводят к гибели мирного населения. Их можно сравнить с вооруженной атакой на многоквартирный дом, в котором живет убийца. Можно ли такими мерами достичь снижения террористической опасности? Вряд ли можно что-то достичь такими мерами.

Разумеется, я не могу предсказать, будет ли что-то достигнуто или нет, но я не согласен с вашим сравнением террориста с убийцей, живущим в многоквартирном доме. Если многоквартирный дом как сообщество принял убийство за норму поведения, мое мнение: ответственность лежит на всех жильцах.

Избежать того, что чудовищным образом зовется «сопутствующим ущербом» бомбардировок, невозможно. Тут ничего не попишешь. Вопрос в том, чтобы найти баланс между тем, что делать необходимо, и тем, чего делать нельзя. Знаете, я был хирургом в течение пяти лет на войне, да и не только на войне, — и в мирное время в хирургии приходится совершать немыслимые действия: отрезать ноги, перекраивать безнадежно обезображенные лица, и делать массу другого, на что без крайней необходимости никто бы не согласился. Никому не придет в голову отнимать руку или ногу у здорового человека, но бывают ситуации, в которых это — единственный выход.

Во многих случаях сложно различить, где мы даем отпор агрессору, а где сами совершаем насилие по виду восстановления справедливости. Взять, к примеру, ситуацию в Никарагуа: поддержка США контрас, которые с их точки зрения выступают в роли оппозиции насилию, в реальности только приводит к противостоянию двух лагерей, с помощью того же насилия отстаивающих свои собственные интересы¹¹.

Признаюсь, для меня это тоже проблема. Мне думается, выработать единое правило невозможно. Ситуацию необходимо сначала оценить, и только потом можно сказать: это — насилие, а это — нет. Это относится к положению в Никарагуа, но еще в большей степени к тому, что сейчас представляет собой Восточная Европа, где не просто два противоборствующих лагеря отстаивают свои интересы насильственным путем¹². Там ситуация гораздо сложнее, потому что принцип насилия утверждается сразу на нескольких уровнях. Можно приказывать людям: «Найдите способ сосуществовать мирно», но что делать, если они откажутся? Поэтому, я думаю, в любой ситуации, в любой части света, при любом режиме, мы упускаем из виду, что необходимо больше обращать внимание на агрессора, а не только на жертву. К примеру, что мы видим в Центральной Америке (я предупреждал, что ничего не смыслю в политике, поэтому говорю из глубины своего незнания): те же священники, у которых не хватило духа отлучить от Церкви угнетателей, за то, что они угнетают, нашли в себе решимость примкнуть к вооруженным повстанцам! Мне кажется (я говорю не от имени Церкви, а просто высказываю личное мнение), если бы Папа сделал заявление, что всякий, кто виновен в убийствах и терроризме, отлучается от Церкви, убийств стало бы меньше, но он такого заявления не делает. И мы

¹¹ В 1980-е годы в Никарагуа шла гражданская война между правящими сандинистами, пришедшими к власти в результате свержения режима Сомосы и поддерживаемыми СССР и Кубой, и контрреволюционными силами контрас, получавшими помощь от США.

¹² Речь, вероятно, идет о противостоянии социалистического и капиталистического блоков и политике «мирного сосуществования».

поступаем так же, потому что в Англии ни вы, ни я не готовы сказать богатым: «Вы воры, потому что имеете больше, чем вам нужно, в то время как другие лишены необходимого». Мы предпочитаем оказывать помощь неимущим, потому что помогать неимущим легче, чем выступать против притеснителей.

Помнится, Ф. Бухман, основатель Оксфордского Движения¹³, которое позже преобразовалось в Движение Морального Перевооружения, в ранние годы говорил, что обращается к богатым потому, что перед ними тоже стоит вопрос о спасении. Мне кажется, нам, христианам, — не важно, духовенству или мирянам, — необходимо обратиться к тем, чье вмешательство способно спасти положение, и сказать им: «Вы — преступники. С точки зрения Церкви вас надо отлучить. Вы права не имеете причащаться и называться учениками Христовыми, пока допускаете, чтобы кто-то умирал с голоду». Такой подход мог бы коренным образом изменить ситуацию, но, увы, редко срабатывает. Пример: в одном греческом приходе в Англии молодой священник разнес в громоподобной проповеди своих богатых прихожан, назвав их ворами на том основании, что киприоты бедствуют, пока те купаются в роскоши. Так вот: через пару недель или месяц его сняли с прихода и отослали в греческий приход на Кипр. Он вернулся епископом и приобрел неприкосновенность, но факт остается фактом.

Как сбалансировано подойти к проблеме воздаяния за преступления?

На это я скажу две вещи: первая — цитата не из Ветхого или Нового Завета, а из романа французского писателя Виктора Гюго: «Судья одновременно больше и меньше, чем человек. Он больше, чем человек, потому что обладает правом судить, которое принадлежит одному только Богу; и меньше, чем человек, потому что не имеет права поддаваться естественному чувству сострадания»¹⁴. Я думаю, речь должна идти не об ответных мерах, в том виде, в каком они понимаются сейчас, а об органе ООН или о другой международной организации, которая сможет взять на себя функции суда и действовать так же, как действует судья, приговаривая убийцу к пожизненному заключению или, в ряде стран, к смертной казни. Это одно.

Второе: тот, кто решился стать террористом или объявить войну властям, должен приготовиться безропотно заплатить за свое решение. Помню, когда я вступил во французское Сопротивление, у нас с мамой был разговор, и мы поклялись в двух вещах: во-первых, если одного из нас поймают и будут пытаться в присутствии другого, ни тот, ни другой не выдаст никого и ничего. И второе, в чем мы поклялись: что бы ни сделали с одним из нас, никогда не ненавидеть тех, кто это сделал. И мне кажется, подобный подход в сочетании с формированием законного органа, который был бы наделен правом судить и выносить приговоры (о чем я говорил выше), стали бы залогом сбалансированной ситуации. Сейчас о балансе говорить не приходится из-за робости, трусости, подозрительности всего североевропейского общества по отношению к решительным и целенаправленным действиям. Причин для такого настроения множество: коммерческие интересы, прошлые обязательства, старые связи и т. д., но факт остается фактом.

Христианство делает акцент на ценности страдания. Тяжелые испытания способствуют созреванию личности и нации, обретению внутренней устойчивости и способности принимать мудрые решения.

¹³ Бухман Фрэнк (1878 — 1961) — американский лютеранский священник, в проповеднической деятельности делал упор на призыв к моральному очищению. В 1921 году Бухман создал в Оксфордском университете студенческое «Братство первого века», выросшее к 1938 году в международную организацию и переименованное в движение Морального перевооружения.

¹⁴ Ср.: «Закон ясен. Судья больше и в то же время меньше, чем человек: он меньше, чем человек, ибо у него не должно быть сердца; и он больше, чем человек, ибо в руке его меч». — Гюго В. Собр. соч. в 15-ти томах. Девяносто третий год. М., «Государственное издательство художественной литературы», 1956, т. 11, стр. 370.

Я не считаю, что страдание — готовое средство для обретения внутреннего покоя. Страдание может сломать человека; а может закалить, но это не происходит как бы механически. На самом примитивном уровне, из того, что мне пришлось пережить в восьмилетнем возрасте, я вынес убеждение, что каждый встречный — потенциальная опасность и враг, человеческое общество, начиная с мальчиков и кончая взрослыми, — джунгли, закон выживания — стать полностью бесчувственным и непреклонным. Вот с чего я начал. Вы вправе сказать: чего стоят твои детские переживания в сравнении с настоящим страданием? Все, что я могу ответить: *большего я бы не вынес*. И только когда я встретил Бога в пятнадцатилетнем возрасте, положение радикально изменилось, потому что мне открылся совершенно иной подход. Помню, как это произошло. Я читал Евангелие, за которое принялся, чтобы убедиться, что это — чепуха, и в нем нет ничего путного, и набрел на отрывок, в котором говорится, что Бог изливает Свой свет на добрых и на злых. Я откинулся на стуле и подумал: «Значит Бог любит Свои создания, и люди, которые ненавидят и мучают меня, Ему дороги. Если я хочу быть с Ним, я должен принять их и полюбить». И помню, как вышел из дома, сел в поезд, чтобы доехать из нашего пригорода до школы, и, глядя на окружающих меня людей, подумал: «И они не знают, что Бог их любит! Что бы они теперь со мной ни делали, я не смогу их возненавидеть». Это стало для меня поворотным моментом, а не страдание как таковое.

С другой стороны, внутренняя устойчивость, то есть состояние, в котором мы обретаем подлинное равновесие, — зависит от того, в каких отношениях мы находимся с Богом или, если нам непривычно называть Его этим именем, в каких мы отношениях с людьми, насколько способны к отзывчивости и самоотдаче. Среди неверующих, то есть тех, кто воображает, что не верит в Бога, есть люди, которые верят в человека с такой отзывчивостью, с такой чуткостью и с такой готовностью жертвовать собой! С этого все начинается, а не со страдания, потому что страдание порой ожесточает, порой порождает желание отплатить, отомстить. Мне это известно из собственного детства, это позорно, но это так.

Одна из самых больших проблем — учет интересов всех сторон... Мне представляется крайне сложным увидеть проблему с точки зрения жертвы агрессии, поэтому наши действия так часто не только не способствуют разрешению ситуации, но усугубляют ее. В большой мере это касается отношений между людьми: люди разучились понимать друг друга.

Попробую ответить на ваш вопрос. Первое, что мне приходит на ум — история, которую рассказала бабушка, когда мне было лет шесть. Темной ночью с поля боя доносится крик: «Лейтенант, лейтенант, я пленного взял». Лейтенант отзывается: «Веди его сюда». «Не могу, — отвечает солдат, — он меня слишком крепко держит». Знаете, в тот момент, как мы хватаем кого-то и пытаемся удержать, мы сами оказываемся в плену, и нас начинает одолевать чувство отвергнутости, потому что тот, кого мы держим, старается от нас избавиться. Как только человек, которого мы, сколько можем искренне, любим, начинает ощущать, что он в западне, его или ее реакция — вырваться.

И второй пример: одна наша прихожанка, которую я знаю лет 30, как-то пожаловалась: «Я так одинока, я не умею общаться с людьми. Когда я пытаюсь сойтись с ними, они от меня бегут. Как мне быть?» Я ей сказал: «Давай вместе попробуем. Мы пойдем к моим друзьям, и вот что ты сделаешь: сядешь рядом со мной на диван и не будешь пытаться ни с кем заговорить. Расположись поудобнее, смотри, стараясь в каждого взглядеться, слушай, стремясь каждого услышать, и ничего не говори». Она так и сделала: села, смотрела, слушала, вглядывалась, вникала, что представляют из себя эти люди, кто они; и люди постепенно стали с ней сближаться, потому что почувствовали, что она не опасна, она — не хищник, затаившийся и готовый напасть, а человек, который как бы их созерцал.

К этому прибавлю, что есть одна вещь, которой всем нам необходимо научиться, потому что она не дается легко и естественно: смотреть с тем, чтобы видеть, и слушать с тем, чтобы слышать. Нам это не удастся, особенно

духовенству. Если с нами кто-нибудь говорит, мы не слушаем, а готовим ответ, если нам кто-то встречается, мы едва бросаем на него оценивающий взгляд: «О, это Иван, а это Мария, отлично», и проходим мимо. Могу привести вам пример. Как-то (я никого не обижу, потому что это было много лет назад) меня пригласили с докладом в университетскую часовню в Оксфорде. Я говорил о том, что такое встреча и, в частности, о проблеме не-видения и не-слышания. И настоятель или капеллан мне сказал: «Как, вы полагаете, я могу запомнить все лица? Студентов слишком много!» Я его спросил: «А несколько вы смогли бы запомнить?» — «Думаю, да». — «Вы женаты?» — «Да». — «Закройте глаза». Он закрыл. «Какого цвета глаза у вашей жены?» Он помолчал и ответил: «Не помню». Я сказал: «Вот именно. Пока вы были влюблены, вы, вероятно, сидели напротив и смотрели, смотрели, смотрели и ничего, кроме нее, не видели. Но потом вы поженились, и смотреть уже не было надобности: вы пошли по жизни вместе с ней, плечом к плечу, глядя вперед, и забыли, как она выглядит!» Мы должны научиться *видеть*, — и видеть, не сводя все к себе. Знаете, в зоологическом саду мы любуемся на пантеру или тигра и говорим: «Какие красавцы!», потому что между нами решетка, и мы ощущаем себя в безопасности. Если бы те же звери встретились нам на улице, мы забрались бы на фонарный столб. Нам нужно научиться смотреть на людей без боязни, но и не примеряясь, как бы ими поживиться.

Не знаю, читаете ли вы Чарльза Уильямса¹⁵, но в одной книжке он пишет о девушке, Лестер, которая погибла в авиакатастрофе, когда самолет упал на мост Ватерлоо. Ее душа, покинув тело, бродит по городу и делает разные открытия. Вот она подходит к Темзе. Пока у нее было тело, она смотрела на Темзу с отвращением и видела в ней только грязную, мутную воду, городские отбросы, смываемые в море. И ее телесная реакция была: «О, только бы не погрузиться, не окунуться в эту реку! О, ни за что не стала бы пить эту отвратительную воду». Но теперь тела у нее нет, она смотрит на реку и видит ее такой, какова она на самом деле — большая река, которая течет через большой город и несет все его отбросы. Лестер еще вглядывается и видит мощный слой грязной, отравленной воды, под ним слои все чище и чище, и в самой глубине — воды, которые создал Господь, а в их сердцевине — сверкающую, искрящуюся струю воды, которую Христос дал самарянке¹⁶.

И урок из этого такой: вступая в отношения, мы должны вглядываться в человека, воспринимать его и одновременно сознавать, что он существует не только по отношению к нам, для нас или нам вопреки; он — реальное лицо, если хотите, образ Божий (но это — слишком сложный момент), он — личность, сама по себе являющаяся красотой, которую мы можем созерцать, и относиться так, как относятся к красоте. Когда мы смотрим на красивый пейзаж, мы не думаем о том, чтобы его присвоить, когда перед нами красивая картина, мы не пытаемся ее поглотить, а просто вглядываемся и воспринимаем. В тот момент, когда человек обнаруживает, что на него смотрят без всякой корысти, без жадности, без желания обладать, он открывается. Это то, в чем мне пришлось убедиться за многие годы из собственного опыта. Пятнадцать лет врачебной практики и 36 лет священства меня кое-чему научили.

Перевод с английского Е. Ю. Садовниковой под ред. Е. Л. Майданович. Переводчик благодарит А. С. Клебанову за критическое прочтение перевода.

¹⁵ Уильямс Чарльз (1886 — 1945), английский писатель, поэт, литературный критик, богослов. Был одним из членов кружка «инклингов», в который входили К. С. Льюис, Дж. Р. Р. Толкин и др. Речь идет о книге «Канун для Всех Святых» (Уильямс Ч. Канун дня Всех Святых. М., АСТ, 2002).

¹⁶ Ин 4: 6 — 26.